

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
доктора исторических наук, профессора Венкова Андрея Вадимовича
на диссертацию Рудь Оксаны Владимировны
«Феномен казачьей культуры в Центральной России (на примере
Ивановской, Владимирской, Костромской и Ярославской областей)»,
представленную на соискание ученой степени кандидата
культурологии по специальности
5.10.1 – Теория и история культуры, искусства

В настоящее время наша страна переживает один из этапов, постоянно сменяющих друг друга процессов расказачивания и показачивания. Процесс этот начался в конце 1980-х гг. под лозунгом возрождения казачества, однако из-за радикально изменившихся условий, в которых некогда проживало российское казачество, процесс приобрел специфическое направление, и сейчас среди людей, которые согласно современному законодательству считаются казаками, потомков казаков меньше, чем патриотов неказачьего происхождения, желающих служить России под романтическими казачьими знаменами.

Процесс совпал с общей тенденцией обострения у граждан России интереса к своим корням. Кандидатская диссертация Оксаны Владимировны, направленная на исследование уникального феномена казачьей культуры, является актуальной для современных культурологических разработок. Работа является итогом социокультурного исследования в региональном масштабе. Как считает диссертант, «тенденция обращения к архетипическим корням коснулась целого культурного пласта - казачества, которое в конце 80-х годов стало привлекать тех людей, кто с распадом Советского Союза утратил ощущение защищенности и чувство сильного государства. Поэтому не только казаки вспомнили о своём родстве - в казачьи организации стали вступать и те, кто не принадлежал к тому пласту» (С.5). В связи с тем, что различные казачьи структуры: хутора, станицы, юрты, общества - стали появляться по всей стране, включая места нетрадиционного проживания казаков: например, в ЦФО. Здесь сформировалось и соответствующее территориальному признаку казачье войско: «Центральное казачье войско» (С.5), тема диссертации О.В. Рудь безусловно актуальна.

Цель исследования — культурологическое осмысление формирования и функционирования казачества как феномена современной России на примере казаков в местах нетрадиционного проживания (на примере Ивановской, Владимирской, Костромской и Ярославской областей) - возражений не

вызывает. Чтобы достичь указанной цели диссертант определила ряд задач. Решение некоторых из них абсолютно необходимо, формулировка других вызывает вопросы.

Диссертант абсолютно верно считает, что причинами появления казаков в регионах современной Центральной России стали исторические события, реформационные процессы, вольная и вынужденная миграция.

На наш взгляд верно определены **объект исследования** - современное российское казачество мест нетрадиционного проживания – и **предмет исследования** - система культур образующих ценностей современного казачества.

Гипотеза исследования – *«метафизическим инвариантом существования казачества является не этнический и не территориальный компонент, а комплекс феноменов (уникальных культурных традиций), форма и содержание которых не зависит от исторического вектора»* - имеет право на существование и отчасти соответствует действительности.

Положения, выносимые на защиту, на наш взгляд хорошо продуманы, и в ходе исследования достаточно обоснованы.

Автор изучила **работы предшественников** и опирается на них в ходе исследования.

Методология исследования основана на специальных методах культурологии и истории, и автор объясняет необходимость применения того или иного метода

Автор считает, что исследование носит междисциплинарный характер, что обусловлено усилением процессов интеграции и взаимопроникновения различных научных областей.

Диссертация состоит из введения, 3 глав, каждая из которых, в свою очередь, делится на многочисленные параграфы, и ряда приложений.

Глава 1 «Историко-эволюционное развитие казачества» делится на параграфы 1.1. «Происхождение понятия «казак» и исторические корни казаков» (в этом параграфе автор приходит к выводу: «... все определения вольно или невольно имеют единый контекст — это «вольный» человек, исполняющий воинские обязанности» (с.17). Исследуется **«Трансформация понятия «Казак»**», причем автор считает: «в «современном казачестве», сформировавшемся в период возрождения казачества после 1990 года, принцип родового наследования не является существенным. Поэтому общепринятым понятием «казак» мы считаем определение согласно пункту 4 Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении

российского казачества на 2021-2030 годы – это представители казачества, в том числе члены казачьих обществ и иных объединений казаков» (с.19). Здесь же анализируются **«Теории возникновения казачества»**, которых автор насчитала порядка 18. «Основные из них структурированы по двум направлениям: автохтонное и миграционное» (с.23). Рассматривается проблема **«Кзаки в истории России»** и делается вывод: «Без казачества была бы не полная история нашего Отечества» (с. 27). Так же рассматривается **«Исторический формат появления казаков в Центральной России»**, в котором автор считает, что присутствие казаков в бассейне Центральной Волги вполне оправданно, поскольку по некоторым версиям казаки идут от бродников, державших переправы на важных торговых путях. И это положение вызывает ряд вопросов. Далее автор рассматривает абсолютно бессмысленный спор **«Кзаки – этнос или сословие?»** и приходит к правильному выводу, что «казачество имело и имеет неоднородный этнический компонент» (с. 35). В этой же главе рассматривается **«Культура казачества как система традиций»** и заявляется, что «культуру этноса характеризуют религиозная направленность и идеология. Религиозность казачества носила пассионарный характер... Основные мировые религии тесно переплетались в традициях казачества» (с. 36). Здесь же абсолютно верно замечается, что «семейные и бытовые устои казачества претерпели ряд трансформаций» (с. 36). Параграф **«Военная составляющая культурных традиций»** показывает, что «более чем четырехсотлетняя история казачества является примером истинного служения своему народу, своей Родине» (с. 39) и «героический вклад казачества в историю Российского государства может служить инструментом развития военной, патриотической и государственной культуры в настоящую эпоху» (С. 44). Параграф **«Женщины – казачки: трансформация традиций»** описывает роль женщины в казачьем сообществе.

Главный вывод по 1 главе – «Десятилетия забвения, процессы глобализации, урбанизации и миграции привели к утрате этнических признаков, размытию социальной общности казаков. Современные казаки консолидируются по культурному признаку» (С.49) – представляется интересным и достоверным.

Глава 2 **«Идентификация и самоидентификация: история и современность»** так же делится на параграфы. В главе рассматривается **«Идентификация казачества в художественной литературе, научных исследованиях и публицистике»**, причем отдельно рассматриваются

«Казачи в литературных источниках и художественных произведениях» и отдельно **«Казачество как пласт научных исследований»**. Такое разделение обосновано, но сам материал в значительной мере дублирует материал вводной части исследования. Автор абсолютно верно отмечает, что в современных публикациях, освещающих казачий вопрос, есть «два основных направления: казакофобское и казакоманское. Первое пытается очернить движение, дискредитировать его в глазах общественности, второе безоглядно превозносит «казачий патриотизм» и поддерживает все начинания казачьих организаций, даже незаконные» (с. 55).

Наибольший интерес представляет параграф **«Самоидентификация казачьих обществ нетрадиционных мест проживания на примере Ивановской, Владимирской, Костромской и Ярославской областей»**, в котором автор утверждает: «С большой ответственностью «родовые» признают, что они не истинные, а лишь являющиеся потомками казаков. Для прочих современных казаков, ставших таковыми по изъявлению души, открываются возможности осознать принадлежность к казачьим традициям, культуре и социальной организации... Побуждение стать сопричастным казачеству увеличивает число казаков и казачьих обществ» (С. 70). Примерно этим же объясняется и содержание раздела **«Возрождение и востребованность казачьей культуры в центральных регионах России»**, где особо подчеркивается роль интеллигенции в привлечении внимания к казачьей культуре.

Вывод по главе, что «возрождение казачества не сформировало четкого представления процедуры воссоздания его своеобразной культуры... что сохранившиеся отличительные черты казачьих культур в географическом плане юга, центра, востока и севера России не приведут к восстановлению казачества как некоего монолита, а смогут объединить культурные инициативы лишь отдельных регионов: Дона, Кубани, Терека, Урала, Дальнего Востока и пр., что, собственно, повторяет процесс генезиса казачества как такового» (С. 84) представляется достоверным.

Глава 3 **«Культурный космос и жизненные миры российского казачества»** тоже делится на параграфы. В параграфе **«Особенности формирования и содержание духовного мира казачества»** автор утверждает, что «они, единожды освоив «дикое поле», просто жили, возделывали землю, разводили скот, занимались рыбной ловлей, работали от зари до зари - были вполне мирными людьми» (с. 86). Это не соответствует фактам, выявленным современными исследователями. Тех, кто пахал землю,

до 1699 года на Дону топили в реке. И вообще у казаков не было и нет земледельческих праздников. Утверждение автора: «В исторической памяти народа четко сформировался героический образ казака, воина-землепашца» (С. 87), видимо, относится ко 2-й половине XIX в., когда казаки вынуждены были в массовом порядке заниматься земледелием. В разделе **«Особенности менталитета казаков»** абсолютно правильным представляется положение – «Мужчина-воин - стержневое представление в менталитете казаков, что доказывает принадлежность к архаической патриархальной культуре» (с. 88). И не менее верным является положение – «несмотря на активную деятельность казачьих обществ, к сожалению, не все лидеры казачьих общественных объединений имеют должное представление о менталитете казаков и соответственно не придерживаются культурных традиций» (с. 90). Раздел **«Система воспитания и образования казаков в прошлом и настоящем»** интересен интересными фактами современного семейного воспитания в сообществах, называющими себя «казачьими». Большой интерес вызывает весьма актуальный раздел **«Казачье движение в России и за рубежом»**, который делится на подразделы **«Современные проблемы казачьего движения»**, **«Казачество - путь к единому Русскому миру»**, **«Возрождение казачества – вызов времени?»** и **«Что есть возрождение Российского казачества»**. Современные проблемы казачьего движения, на наш взгляд, определены правильно, верно определено, какие надежды возлагает на казаков государство.

«Заключение» работы суммирует выводы, к которым автор пришел в ходе исследования и содержит абсолютно бесспорное положение – *«Казаки – исторически сложившиеся стражи границ»*. (с. 122)

Работа снабжена очень интересным иллюстративным материалом, данным в «Приложениях».

С точки зрения исследования культуры современных казачьих обществ работа очень интересная, но что касается исторического контекста, исторической составляющей, то мы вынуждены констатировать, что автор некритически восприняла и использовала многочисленные измышления околонуточных кругов. Во-первых, это касается этнических проблем. Одной из задач своей работы автор ставит: «Проследить историческую, культурную, этническую эволюции казачества» (С. 6). Какая может быть этническая эволюция у сообщества, составные части которого искусственно созданы во 2-й половине XIX века? Автор пишет: «Согласно историческим исследованиям, казаки в период становления российской государственности

представляли собой обособленный этнос» (с.9). Надо бы уточнить, что это точка зрения некоторых ученых XVIII в. «Четырехсотлетняя близость с русским народом ассимилировала казачество настолько, что общими стали язык и религия, единой стала страна» (с. 69). Что касается генетических исследований, опубликованных в 2016 г., донские казаки, наиболее многочисленные «на период становления российской государственности», на 90% состояли из русских и украинцев (без ассимиляции), еще 5% давал ногайский элемент, а кавказский отсутствовал. Далее – «Ближе к XX веку и до Октябрьской революции казаки получили статус субэтнуса русского народа» (с. 9). От кого они могли получить такой статус, если даже сам термин «субэтнос» был введен Л. Н. Гумилёвым в его пассионарной теории этногенеза. Термин «субэтническая группа» употреблялся во франкоязычной литературе с XIX века, а в англоязычной литературе — с начала XX века. Зачастую он обозначал этнические группы внутри расы. Далее сама автор приводит, ссылаясь на исследователей, факт, отрицающий возможность формирования этноса на период становления российской государственности – «До XV-XVI вв. историки (Ригельман А.И., Щербина Ф.А.) отмечают бессемейность казаков» (с. 37). Как они могли сложиться в этнос, если у них семьи не было?

Следовало бы более критично относиться к «наименованиям казачьих народностей», открытых во время переписи: волжские; некрасовцы; черкасы; кубанско-донские; нижнедонские; новоазовские; православные; ростовские; русские; севрюки... (с. 70) Не следует забывать, что во время переписи некоторые респонденты записались «скифами» и даже «гоблинами».

Религия: автор утверждает: «Поскольку в казачестве смешаны различные этносы и культы, своей собственной религии казаки не создали и не предпочли единую всем прочим. Внутри казачьей среды взаимодействовали все мировые религии» (с.36). Заявление это через чур смелое. Можно привести пример с Татарской станицей на Дону, где действительно была мечеть. Население этой станицы стало вырождаться и выехало в Турцию. Казаки не отдавали своих дочерей в жены мусульманам.

Что касается семейных отношений, то автор утверждает: «Плененных женщин и рожденных от них детей убивали. Спустя некоторое время стали оставлять жизнь только мальчикам и около XVI в. начали формироваться примитивные семейные отношения. Таким образом, от Сечи не осталось никакого наследия» (с. 45). Интересно получается. Сначала с пленницами спали, причем долго – они успевали родить, – а потом и их и детей убивали?

Что касается Сечи, то ее наследниками считают себя очень многие кубанские казаки, потому что после упразднения Сечи 3 ее куреня были переселены на Кубань, а до упразднения запорожские казаки официально делились на женатых и неженатых. И если автор обращается к описаниям казаков в художественной литературе, то следовало бы перечитать Н.В. Гоголя. Его Тарас Бульба был женатый человек и имел законных детей, которых сам привел затем в Сечь.

Интерпретация таким образом семейных отношений сказывается и на представлениях автора о некоем «казачьем языке». Автор утверждает, что «женитьба на освобожденной полонянке или плененной черкеске (?), турчанке, делала её полноправной казачкой» (с. 51). И отсюда – «Тюркская разговорная речь оставалась в казачьих семьях в среде женщин и детей, поэтому она получила название «домашнего» или «женского» языка казаков и сохранялась в станицах до XX века. И по сей день в южнорусских диалектах звучит множество тюркских слов» (с. 97). Во-первых, пресловутые «черкески» относятся к кавказской группе языков, а не к тюркской, во-вторых, исследования ростовских культурологов из консерватории им. Рахманинова показали, что женские обрядовые песни – колыбельные, хороводные – в местах наиболее ранних поселений казаков имеют украинское, малороссийское происхождение. Автор этих исследований – доктор культурологии Т.С. Рудиченко – автором не упоминается. Исследования матримониальных связей донских казаков в XVIII - начале XIX вв. выявили многочисленные браки с гречанками, сербками, польками. Найден лишь 1 документ о женитьбе на пленной турчанке. Как видим, казаки предпочитали славянок.

«Гутор» на Дону, о котором говорит автор (с. 34), вымысел современных околонучных и явно не донских кругов. На Дону казаки говорят, как минимум, на трех диалектах. Например, на верхнем Дону звук «ф» расщепляют на «х» и «в» - «Хведор», «хвамилия», а на нижнем «х» и «в» сливаются в «ф» - «не фатай ката за фост».

Далее, казаки-некрасовцы не могли сохранить эпос казаков-черноморцев (с. 99), как об этом говорит автор, поскольку некрасовцы – выходцы с Дона, а «черноморцами» назывались казаки, переселенные в конце XVIII - начале XIX вв. на Кубань и Тамань из Малороссии.

Что касается казачьей одежды, которая «несет черты соединения стилей кочевых народов и древних скифов» (с. 129), то тут надо бы уточнить, к каким казакам это относится. Какое войско могло скопировать стиль одежды

«древних скифов», которые жили и кочевали на Юге России в основном до нашей эры?

О системе хозяйствования – «Патриархальное казачество представляло общины, занимающиеся промыслом, земледелием и военной службой» – мы уже говорили. Земледелие у казаков появилось явно не на «патриархальном» этапе.

Что касается боевого искусства казаков, то автор своеобразно, но неверно объясняет устройство казачьей шашки: «Казачью же шашку отличает одна особенность: у неё отсутствует медная дужка, защищающая запястье. Это обстоятельство позволило развивать искусство фланкировки среди казаков» (с. 52). Отсутствие гарды («медной дужки») характерно для всех шашек, не только казачьих, и эта особенность заставляла владельца наносить удар первым, поскольку отразить удар шашки шашкой было чревато потерей пальцев. Да и фланкировка шашкой явление современное. В реальных боях казаки фланкировали пикой.

Автор абсолютно не понимает, что такое лава. «...атака сомкнутым строем конной фаланги при стремительной конской скачке» (с.52), это скорее про французских кирасир при Ватерлоо.

Что значит «умение вести тихий бой» (с. 53), которое автор приписывает пластунам?

Для автора к казакам Владимирской земли относятся и Илья Муромец, и отряды казаков, которые участвовали в разгонах демонстраций, предупреждали беспорядки и бесчинства во всех городах и промышленных поселках региона. «В период индустриализации России с 1880-х годов отряды городских казаков участвовали в разгоне демонстраций, предупреждали беспорядки и бесчинства во Владимирской, Костромской губерниях» (с. 50). Городовые казаки в Европейской части России, вообще-то, исчезли еще до Петра Великого.

Естественно, надо более внимательно относиться к предшественникам. Фамилии В.Н. Королева и Н.А. Мининкова в работе склоняются, как будто это женщины - **Королевой В.Н., Мининковой Н.А** (с. 68).

Однако все эти замечания относятся к исторической составляющей диссертационного исследования, а отнюдь не к культурологии.

Список публикаций Оксаны Владимировны и апробация результатов исследования убеждают в достаточно высоком уровне её профессионализма.

Текст диссертации отражает актуальность темы исследования.

Автореферат соответствует содержанию диссертации «Феномен казачьей культуры в Центральной России (на примере Ивановской, Владимирской, Костромской и Ярославской областей)», являющейся самостоятельным, законченным научным трудом, соответствующим требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ № 842 от 24 сентября 2013 г. (в редакции от 21.04.2016 г.). а ее автор Рудь Оксана Владимировна заслуживает присуждения ученой степени кандидата культурологии по специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

31.10.2024 г.

Венков А.В.

Доктор исторических наук, профессор

Главный научный сотрудник, заведующий лабораторией казачества Южного научного центра Российской академии наук

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Федеральный исследовательский центр южный научный центр Российской академии наук» (ЮНЦ РАН)

Адрес: 346770, Ростовская обл., Азовский р-н, с. Кагальник, ул. Береговая, 58а

Телефон: +7 (863)250-98-29, т.- факс +7 (863)266-56-77

E-mail: ssc-ras@ssc-ras.ru

